

*Ахат
Мушинский*

**За
каждым
словом
столько
света!**

Вера АРЯМНОВА

**В
С
Т
Р
А
Н
Е
Р
О
Д
Н
О
Й**

61

Детство у неё было, как детство, как у большинства детей её поколения. Она так и пишет:

**Я, Всевышний, родилась в стране октябрат,
я-то точно никогда её не покину.**

**Я была в комсомоле, а раньше была пионер.
Белый верх, чёрный низ**

и алеющий пламенно галстук.

**Я учусь хорошо – пионер – он ребятам пример,
хоть чарльстон танцевать,**

хоть Шопена разучивать вальсы.

Да, вступаем в жизнь мы практически одинаково. Входим в первый раз в первый класс ангелочками с белоснежными крылышками за спиной. А потом уже по ходу учёбы расслаиваемся – своими способностями, притязаниями, характерами... Характер, прямо скажем, у неё получился не дыня с мёдом. Ни пионерия, ни комсомол не помогли. Она и сама признаётся:

**Мне не раба выдавливать по капле,
а лишь гордыню дикую унять.**

Или вот в другом стихотворении от стороннего лица:

**Ты не женщина, ты порох.
Ты не для меня.
Ты могла бы сдвинуть горы,
ты могла б построить город,
на скаку – коня...**

**От тебя идёт свеченье,
но с тобой – одно мученье.**

А может, это генное, от отца к дочери и далее – от дочери к сыну?

**Характер отца, словно нож, мне вошёл под лопатку...
Дыханья горячего чувствуешь правду и жар?
Мешал прогибаться вонзённый мне по рукоятку...
Вот этот – от предков – и примешь из рук моих дар.**

(«Разговор с сыном»)

Я давно знаю Веру Арямнову, ещё с далёких её поэтических времён в Набережных Челнах. Затем она исчезла из поля моего зрения – жила в Костроме. Но вот лет двенадцать назад вернулась к нам в республику, приехала в Казань. Друзья встретили её и помогли на первых порах, как могли, но судьба есть судьба, у каждого она своя. И она у неё с порохов-характером выдалась нелёгкая. Хотя всё предсказуемо и, может даже, запрограммировано:

**Ах, лишь одно я знаю о грядущем:
поэт рождается не ради райской кущи...**

Тем не менее в те далёкие челнинские времена душа у неё была светлая, влюбчивая, распахнутая для жизни со всеми её завихреньями, взгляд озорной и зовущий в какие-то светлые дали, а характер не по возрасту твёрд и решителен.

**Решенья пейте свежими и залпом!
Не то застрянут комом в пищеводе.**

Я бы даже сказал: не характер – норов. И он не изменился с того времени, когда характер отца вошёл в неё «словно нож... под лопатку». В редакции, где она работает, ей принесли книжку стихов местной поэзо-леди с просьбой написать положительную рецензию. Она взяла сборник с готовностью выполнить просьбу, но – что поделать, не смогла пойти против совести! – и в одном из номеров газеты «Республика Татарстан» вышла её разгромная статья – прямая, аргументированная. Легко ли такой жить на белом свете, ведь правда-матка – сестра угловатая, она, как слон в посудной лавке? Какие уж с ней социальные лифты, какой комфорт,

какая встроенность в мир «доброхотов и паразитов», какая крыша над головой (в прямом и переносном смысле слова)?! К последнему вопросу ещё вернёмся.

Но сегодня я иду без кожи...

Так не только сегодня, а всю жизнь. И всю жизнь, и постоянно, и вокруг – одни тесты на выживаемость. И как поэта, и как просто человека, женщины, матери, ответственного за чадо своё ненаглядное – сына. Испытания, испытания... Поэт-испытатель и только!

Но всё же, но всё же:

**Я счастья и воли полна, и не просто, а всклянй.
И всё, от любви до вражды – принимаю. Всё мило.**

Или:

**Ах, жизнь прекрасна! Вот чаёк, вот почта.
И много-много самых разных слов...**

Нет, это не какой-то сиюминутный порыв, это отдельная тема в творчестве поэтессы «без кожи», а временами и превалирующая.

**И всё вокруг, и всё во мне самой
полно любви, спокойствия и воли.**

Даже так в этой теме:

**Осилю земную науку,
а кончится жизнь – не замечу.**

Но замечать свои времена года человеку приходится, тем более поэту. Следующую сквозную тему в творчестве Веры Арямновой я бы назвал «Но время берёт своё». Можно, конечно, отнести её и к обязательным противоречиям поэта, когда красные нити поэтической лямки художника неизвестно откуда берутся и тянутся через всё творчество – то параллельно, то переплетаясь, то поглощая друг друга и сводя на нет. И уж приходится читать и переживать, учитывая, что вначале было слово:

**И теперь гляжу и вижу:
ВСЁ остальное вдалеке.
Небеса всё ближе, ближе...
Господи, я – налегке!**

А это самое свежее, что мы включили в подборку:

**То ли жизни круговерть
оставляет понемногу,
то ли осень, то ли смерть
встречь выходит на дорогу.**

Так и хочется сказать: сплунь три раза и постучи по дереву.

Но вот уже пред нами переплетение темы смерти с темой дома, точнее – отсутствия его. Помните, я сказал, что к теме крыши мы вернёмся? Так вот, своей крыши (в прямом смысле слова) над головой у неё с сыном до сих пор нет. Всё

съёмные квартиры, всё чужие углы... И это – поверьте пожившему на свете человеку! – угнетает. И физически, и духовно, и особенно сильно и невыносимо, когда ты поэт.

**Всё хорошо, ведь я в краю родном!
Ах, ничего, что здесь я отщепенка...
Ты мне такую песенку протенькал
под утренние золотые гренки,
что стих будильник, замурлыкал дом.**

**И ничего, что этот дом чужой,
и ничего, что жизнь подходит к краю.
В стране родной как странница шагаю.**

64

На другой странице:

**Мы мучительной смертью умрём.
Об отце помолюсь и о сыне.
Кто живее?.. не будем о том.
Где он, дом? Может, в небе наш дом...**

И дальше:

Снова в груди ожила квартирантка, слепая жилища...
.....
.....

**Ну, ничего, ничего, не грусти, ведь ещё не поминки.
Завтра дорога опять, а она как девчонка шальная,
ей всё равно – я здоровая или больная.
Снова педали крутить, для того и купила ботинки.
Чтобы по жизни шагать, а не выйдет – до края и рая.**

**Путь недалёк – не откажут, небось,
мне в небесной прописке...**

Всё это тяжело читать. Что, в конце концов, перевесит в душе поэта, какая тема возьмёт верх? Это хорошо рассуждать, когда художник «от» и «до», поработал у мольберта, посидел над клавишами фоно или чистым листом бумаги (а может, чёрным от письма и правки), снял нарукавники и пошёл жить другой – семейной, бытовой и прочей – жизнью. А когда художник «без кожи», когда творчество и жизнь у него одно и то же?..

Верю всё-таки, всем напастям назло верю – столбовая и светлая тема поэта Веры Арямновой, взятая ею ещё в начале поэтического пути, не иссякнет и будет противостоять пасмурным настроениям и обстоятельствам. Недаром же она продолжает утверждать:

**За каждым словом столько света!
За каждым – воля и простор...
Но катится к закату лето,
и лучше песни нет не спетой,
гори, пылай в душе простор!**

Короче, лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал... И это хорошо. Как бывший альпинист говорю: это перспектива, это новые восхождения и новые, непокорённые вершины.

В своём беглом взгляде на творчество поэтессы (но долгом его познании) я опустил самую главную тему Веры Арямновой и вообще – поэзии и литературы в целом – тему любви. В глаза ненароком бросились такие не характерные для Веры строки:

**Найди меня, любовь, пронзив грудную крепь,
я больше не ищу, а просто жду понуро...**

и говорить об этом чувстве и его творческой кривой не захотелось. Во-первых, что делать с её же утверждением:

**Как ветер не терпит преграды,
как ветер не знает остуды –
со страстью не может быть сладу,
и я осторожной не буду.**

**Со мной моё чувство не шутит.
Оно снисхожденья не знает.
Дойти заставляет до сути
и раны свои не считает.**

Во-вторых, как там у Александра Сергеевича: «Прошла любовь, явилась муза»?.. В-третьих, повторяю, поэт всегда противоречив. Тот же Пушкин признал немало противоречий в своём «Евгении Онегине», но исправлять, сглаживать их не стал. Даже ведь сама нерукотворная жизнь наша весьма противоречива. Что ж говорить о книге, сотворённой пусть и талантливым, но всего лишь человеком.

Да, я говорю о книге Веры Арямновой «В стране родной», выпущенной в Казани издательством «Бриг» и не получившей отклика ни от прописных критиков, ни от коллег-поэтов, ни просто любителей литературы. Ни одной рецензии, ни в одной газете, ни одного высказывания в обзорных статьях или, скажем, писательских конференциях, «Итогах года»... Наверное, на них положено говорить только о членах Союза писателей республики? Но Вере Арямновой в эти члены не попасть, поскольку русской секцией в СП заведует та самая «поэтесса», про которую наивная Вера имела честь высказать всё, что думала. Ну, почти всё... Статья наделала немало шуму. Последовало опровержение в виде бестолкового спасательного круга в другом издании. Но речь сегодня не о том.

Удручает то, что писатели не интересуются книгами своих коллег по творческому цеху, литературоведы читают и пишут только о начальствующих и выгодных по своим корыстным соображениям литераторах, писательские союзы, объединения не обсуждают литературные новинки... Знакомятся с новыми произведениями только сотрудники и главные редакторы журналов и прочих заинтересованных изданий. По долгу службы, так сказать. Товарищей по перу, насколько я помню, с любопытством воспринимали разве что Диас Валеев да Рафаэль Мустафин. Сегодня у нас соседей по книжной полке читают Рауль Мир-Хайдаров, Ркаил Зайдулла, Адель Хаиров... да больше навскидку и не припомню.

А ведь поэтическая книга Веры Арямновой получилась неординарная даже в общероссийских масштабах. Но кому мы нужны в её бескрайних просторах, когда «в стране родной-то», то есть в республике, а ещё точнее – в городе Казани никому дела нет до современной подлинной литературы. Ещё такие таланты, как ушедшие от нас Юрий Макаров и Геннадий Капранов, по большому счёту не востребованы. А Леонид Топчий, Тихон Журавлёв, Михаил Скороходов, Софья Радзиевская, Юрий Белостоцкий издаательствами и литспецами напрочь позабыты,

несмотря на их 100-летние и прочие юбилеи. Чего уж там говорить о живых и суетных!

Первый же номер «Казанского альманаха» в 2006 году отметился большой подборкой Веры Арямновой. Подборка начиналась как раз с дважды упомянутого здесь стихотворения «Как ветер не терпит преграды». Всего же мы опубликовали четыре десятка новых стихотворений поэтессы, которые и составили основу этого сборника.

Я совершенно не заблуждаюсь насчёт появившейся на свет любой новой книги, она в одночасье не перевернёт мир или вообще, может быть, потонет в пыли забвения. Но когда книга подлинная, настоящая, талантливая, то она, так или иначе, начнёт действовать – постепенно, от читателя к читателю, от любителя литературы к любителю... и заживёт своей обособленной жизнью. Широко известно, книги, как и люди, имеют свою судьбу. Пусть же «В стране родной» поселится удача, и поэтический сборник этот возымеет счастливый жизненный ход. Ну, не книга, так – вообще творчество её автора.

66

